

заставаўся такім, якім ён быў у савецкі час, – этнічным. У ім таксама дзеянічае ідэалагічны прынцып фарміравання літаратурнага канона.

Такім чынам, ідэалагічны прынцып з'яўляеца галоўным пры фарміраванні літаратурных канонаў, якія ў сваю чаргу з'яўляюцца інструментам дзяржаўнай ідэалогіі (а таму не існуе канонаў без дзяржаў). Эстэтычны прынцып фарміравання літаратурнага канона, які сцвярджаюць многія навукоўцы ў розных краінах (М. Мушынскі, Г. Блум), актуальны для тых тэкстаў, якія прайшлі праверку ідэалагічным крыгтэрем. Прынцыпы фарміравання літаратурнага канона знаходзяцца ў карэляцыі з тыпам нацыі.

Біблиографіческий список

1. Мушынскі, М. І. Крытыка і літаратуразнаўства / М. І. Мушынскі / Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. Т. 4. Кн. 1. 1966–1985 / НАН Беларусі, Аддзінство гуманітарных навук і мастацтваў, Ін-т імі Я. Купалы; Навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лайшук. – Мінск: Бел. навука, 2002. – С. 73–111.
2. Guillory, J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation / J. Guillory. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1993. – 392 р.
3. Поповіћ, Т. Источни канон / Т. Поповіћ. – Сремски Карловци – Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2019. – 277 с.
4. Рутц, М. Адзін народ, адна мова, адна літаратура? Канцэпцыі гісторыі беларускай літаратуры ў эвалюцыйных змененнях (1956–2010) / М. Рутц; пер. і камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая // ТОPOS. – 2022. – № 2. – С. 81–124.

Бячкова Варвара Андреевна

канд. филол. наук, доцент (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия)
bvarvara@yandex.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ БИБЛЕЙСКОЙ ВИРСАВИИ ТОМАСОМ ГАРДИ («ВДАЛИ ОТ ОБЕЗУМЕВШЕЙ ТОЛПЫ») И ЗОИ ХЕЛЛЕР («ХРОНИКИ ОДНОГО СКАНДАЛА»)

В статье представлен анализ образа Вирсавии в романах Т. Гарди «Вдали от обезумевшей толпы» и Зои Хеллер «Хроники одного скандала».

Ключевые слова: библейский сюжет; Вирсавия; Т. Гарди; З. Хеллер.

Цель нашего исследования – проанализировать переосмысление образа и истории библейской Вирсавии в романах писателя викторианской эпохи Т. Гарди («Вдали от обезумевшей толпы») (*Thomas Hardy, Far from the Madding Crowd*, 1874) и современной британской писательницы Зои Хеллер («Хроники одного скандала») (*Zoë Heller, Notes on a Scandal*, 2003). Писатели не пытаются «переписать» библейский миф (как это делает, например, шведский Т. Линдгрен в своем романе «Вирсавия» (1984) (см. об этом романе [1]), но создают новые «версии» Вирсавии и ее истории конца XIX в. (Т. Гарди) и начала XXI в. (Зои Хеллер), «подарив» своим героям имя Вирсавии (*Bathsheba Everdene* и *Sheba* (*Bathsheba*) Hart).

Отметим, что основные принципы переосмысления библейского сюжета в романах Т. Гарди и З. Хеллер схожи (что чрезвычайно интересно, учитывая, что романы написаны с интервалом в примерно 100 лет). Во-первых, оба писателя обращают внимание на значительные изменения в положении женщины в обществе. Как известно, в Библии [2, 2 Цар. 11–12] история Вирсавии из-

ложена, преимущественно, «с точки зрения» царя Давида, некоторое внимание уделено образу Урии Хеттейнина, однако образ Вирсавии сводится к ее очень яркой внешности и констатации ее поступков (она приходит к Давиду, позже – извещает его о своей беременности и т. д.). Чувства героини, ее отношение к про-исходящему и пр. никак не комментируются. В романах Т. Гарди и З. Хеллер ситуация совершенно иная. Их Вирсавии – центральные персонажи произведений, со своим внутренним миром, «голосом», точкой зрения и пр. (Интересно, что и Т. Линдгрен придерживается того же принципа, наделяя свою героиню исторического романа «Вирсавия» «стремлением и активностью» [1, с. 74]). Мы определенно имеем дело с феминным (или даже феминистским) переосмысливанием библейского сюжета: он перенесен в мир, где женщина – полноценный (или, у Гарди, почти полноценный) член общества, имеющий право не только на выражение своих чувств и мыслей, но и на самовыражение. Радикальное изменение статуса женщины в обществе проявляется в исследуемых романах еще и тем, что героини, порой «играют роли» других персонажей библейского сюжета о Вирсавии. Чаще – это «роль» царя Давида: Вирсавии выступают инициаторами отношений, занимают в паре, так или иначе, более высокий статус и пр. С другой стороны – оба писателя подчеркивают всем известную тенденцию «демократизации» литературный персонажей, когда благородный, исклю-чительный мифологический герой понемногу трансформируется в обычного человека. Отношение автора к такой трансформации может быть разным: от тоски по великим людям, способным на настоящие жертвы, подвиги и пр. (и сарказма по отношению к совсем «не великим» современникам), до стремления показать читателям, что и сегодня есть место «большим» чувствам, страсти, страданиям, заблуждениям и ошибкам и пр. Обозначив общие принципы переосмысливания истории библейской Вирсавии в романах Т. Гарди и З. Хеллер, рассмотрим каждое произведение более подробно.

Образ Вирсавии Эвердин, главной героини романа «Вдали от обезумевшей толпы», отличает динамика, в которой постоянно находится героиня: меняется как ее характер, так и внешние обстоятельства (библейский образ Вирсавии, как мы помним, статичен). Сирота и бесприданница, Вирсавия Эвердин также обладает очень яркой внешностью и прекрасно это осознает. Отчасти именно уверенность в собственной привлекательности придает ей уверенности, и смелости. Впервые Вирсавия появляется верхом на лошади, но без традиционных для викторианской эпохи амазонки и дамского седла, что определенно свидетельствует о сильном, независимом характере [3, ch. 4]. Из-за стремления к независимости Вирсавия отвергает предложение влюбленного в нее фермера Габриэля Оука, мечтая, во-первых, о браке по любви, а во-вторых, возможности само-реализовываться как-то иначе, не выходя замуж. Очень скоро героиня получает такую возможность: получив от дяди наследство она превращается в обеспеченную обладательницу большой фермы. Хотя молодая и красивая девушка в такой роли – не совсем привычное для современников зрелище, новый статус не уменьшает, а наоборот, увеличивает популярность Вирсавии у потенциальных поклонников. Сложность характера Вирсавии Эвердин состоит в том, что, помимо врожденного чувства собственного достоинства, источником уверенности девушки в себе является тщеславие, которое толкает героиню на безрассудные поступки с серьезными последствиями. Например, Вирсавия посыпает соседу Болдуину письмо-«валентинку». Библейский сюжет здесь получает почти зер-

кальное отражение: во-первых, девушка, а не мужчина, проявляет инициативу в отношениях, а во-вторых: в отличие от искренних чувств и намерений царя Давида, посылающего за библейской Вирсавией, Вирсавия Эвердин просто хочет разыграть «глупого, старого Болдува» [3, ch. 13], не думая о последствиях.

Печальная истина, по Т. Гарди, истина состоит в том, что обретенные героиней финансовая и социальная независимость не дают ей полной свободы. Ничто не может защитить человека от собственных страстей, заблуждений, порывов. В том числе и об этом повествует история библейского царя Давида, но у Гарди драматические ошибки совершают Вирсавия. Появившуюся у нее возможность самой выбирать самой спутника жизни она использует неудачно, выйдя замуж за сержанта Фрэнка Троя. Ирония состоит в том, что Вирсавия реагирует на те же качества, что присущи ей самой: внешнюю привлекательность Троя и его умение ею пользоваться (ключевым моментом их отношений становится наполненная, по мнению исследователей, фрейдистскими символами [4, с. 134] сцена романа, в которой Вирсавия наблюдает за Троем, упражняющимся в фехтованиян [3, ch. 28]). Вирсавия не находит в Трое помощника и советчика, а впоследствии героиня узнает, что по вине мужа оказалась в положении, вновь сопоставимом с ситуацией библейского царя Давида. Узнав, что бывшая работница ее фермы Фанни Робин погибла в работном доме, Вирсавия разрешает привезти в дом гроб с телом девушки. Ночью она узнает, что Фанни умерла от родов и отцом ее ребенка был Трой. Фрэнк признается в любви к погибшей Фанни, несправедливо обвиняя Вирсавию и том, что не обвенчался с «настоящей» женой [3, ch. 43]. На самом деле венчание не состоялось из-за недоразумения, а потом Трой сам, по капризу, разорвал отношения, но Вирсавия, как и царь Давид, оказывается буквально раздавлена отчаянием и чувством вины: хотя и непреднамеренно, но она, независимая, сильная и самодостаточная, отняла у бедной, одинокой и раневой Фанни единственного родного человека и обрекла ее на гибель.

Вирсавии Эвердин суждено стать героиней еще одной драматичной истории. Шутка с «валентинкой» приводит к тому, что фермер Болдув влюбляется. Сержанта Троя, отказавшегося взять у Болдува деньги, в обмен на разрыв отношений с девушкой, Болдув ненавидит. Когда после инцидента с Фанни Робин Трой исчезает и считается погибшим, Болдув возобновляет ухаживания за Вирсавией, надеясь на нее жениться. Его планы внезапно рушатся, когда Трой неожиданно объявляется, желая вернуть дом и жену. Когда царь Давид посыпает Урию Хеттеянина на смерть [2, 2 Цар. 11:15–11:17)], его действия можно интерпретировать, в том числе, и как желание спасти Вирсавию (и будущего ребенка) от наказания за измену. Убийство Троя Болдувом – акт отчаяния и наказание соперника, хотя тоже отчасти выглядит как попытка защитить Вирсавию (Трой пугает жену, ведет себя агрессивно и т.д.). Среди вещей в доме Болдува находят подарки, подписанные «Вирсавия Болдув» (хотя молодая женщина еще не дала согласия на брак), – красноречивое свидетельство того, что чувство Болдува к Вирсавии давно превратилось в одержимость, патологию, поэтому после убийства Троя Болдув пугающе спокоен, ведь жизнь без Вирсавии не имеет смысла [3, ch. 53–54].

Спасением и надеждой на счастье для Вирсавии Эвердин становится Габриэль Оук. Волей обстоятельств превратившись из состоятельного жениха в работника Вирсавии, Оук становится для нее персонажем, которого лишены герои библейской истории о Вирсавии – наставником. Он способствует ее самосовер-

шествованию (например, справедливо укоряя за легкомысленное поведение с Болдуином), помогает на ферме (особенно когда становится понятно, что на Троя рассчитывать не приходится), утешает и старается поддержать в трудную минуту. Хотя приверженцы феминистского направления в литературоведении считают этот процесс «приручением» и подавлением героини [4, с. 35], взаимоотношения между Вирсавией и Габриэлем можно интерпретировать и по-другому: герои постепенно учатся понимать и ценить друг друга, помогают друг другу стать лучше, на глазах читателя происходит становление гармоничных отношений, основанных на любви иуважении. Пожалуй, именно это, по Т. Гарди, способно уберечь человека от несовершенств мира и собственных страстей и сделать его счастливым.

В романе «Хроники одного скандала» З. Хеллер героиня Шеба Харт также приходит к обретению друга, но именно друга, а не «правильного» возлюбленного, и финал романа, в отличие от произведения Т. Гарди, сложно назвать счастливым. В центре сюжета романа – история школьной учительницы Шебы (Батшебы, т. е. Вирсавии) Харт. Повествование организовано в форме дневника-заметок подруги Шебы Барбары Коветт, взявшей на себя обязанности «хроникёра» произошедших событий. Уважаемая и обеспеченная супруга ученого, мать двоих детей, едва начав свою педагогическую карьеру, становится любовницей своего 15-летнего ученика, а когда об этой связи становится известно, теряет все: дом, семью, работу, репутацию и пр., став жертвой общества, как и библейские времена, способного легко превратиться в разъяненную толпу, готовую «побить камнями» оступившегося. Рядом остается только Барбара – властная, доминирующая, довольно эгоистичная, но отчаянно нуждающаяся в хотя бы одном близком человеке рядом. Прочитав дневник Барбары, Шеба возмущена, но потом героини мирятся – Шебе просто не к кому больше обратиться за помощью, а Барбара готова быть рядом.

Можно сказать, что З. Хеллер предлагает ироничный, если не саркастический, вариант истории библейской Вирсавии. Кстати, при знакомстве Барбара спрашивает Шебу в честь кого родители ее называли: библейской Вирсавии или героини Т. Гарди, на что Шеба отвечает: «Я думаю, им просто понравилось имя» [5, с. 15], что можно интерпретировать как намек на то, что этот роман будет совсем новой, другой историей Вирсавии. Библейская Вирсавия жила, по крайней мере, в мире сильных мужчин, способных совершать поступки. Рядом с Шебой такого мужчины нет. Барбара недоумевает привлекло Шебу в Стивене Конноли [5, 41–42] – заурядном, плохо воспитанном подростке из не вполне благополучной семьи. Шеба считает юношу привлекательным, сначала она заинтересовывается Стивеном как педагог (он посыпает ей свой рисунок), однако других достоинств у юноши нет, связь со взрослой женщиной для него – предмет бахвальства и хвастовства, впоследствии он капризно, по-детски, разрывает отношения, а затем отстраняется, когда бывшая возлюбленная становится предметом всеобщего презрения и порицания. Муж Шебы Ричард поначалу поддерживает жену, но затем сдается, не выдержав негативного внимания к их семье со стороны общества, его наполняют ревность и обида на Шебу за ее измену и разрушенное благополучие семьи и, в конечном итоге, Ричард, со своей стороны, сильно ранит Шебу, ограничив ее общение с сыном.

Несчастья Шебы Харт вызваны парадоксом современности: сегодня у человека (мужчин и женщин в равной степени) есть определенная свобода и неза-

висимость. Каждый, казалось бы, может строить свою жизнь как хочет, более того – общество прямо-таки требует от человека движения, роста, достижений и пр. Но это совсем не значит, что люди могут воспользоваться имеющимися возможностями, у некоторых просто нет энергии, сил, мешают обстоятельства и пр. Такова Шеба, прожившая всю жизнь под опекой родителей, любящего мужа и друзей. Она была хорошей хозяйкой, хорошей женой, отличной матерью особенного ребенка (Бэн болен синдромом Дауна), но даже дома не находила настоящего счастья и покоя: нервничала, что приходится во всем быть «не хуже» первой жены Ричарда – слишком частой гостью в их доме, не могла наладить отношения с дочерью-подростком. Даже когда муж оборудует для нее гончарную мастерскую в подвале договаривается с няней сына «освободить» Шебу на несколько часов в день, Шеба «смотрит мыльные оперы и спит» [5, с. 126], а в школе у нее на уроках атмосфера «Повелителя мух» (по выражению одного из коллег) [5, с. 23]. Шеба цепляется за первую же возможность «раскрасить» свою, полную разочарований и апатии, жизнь и этой возможностью становится роман со Стивеном Конноли, в нем она активна, проявляет инициативу, но именно эта часть ее жизни разрушает ее семью. Но вместе с тем, автор дает читателям возможность посочувствовать Шебе. Барбара признает, что Шеба сама разрушила свою жизнь, но много размышляет об отношениях Шебы и Стивена, ставит неудобные, но правильные вопросы: был ли юноша действительно «жертвой», так ли виновата Шеба, не слишком ли пресса увлекается громкими словами, клише, кто в действительности пострадал от двойных стандартов и пр. Кроме того, Стивен, как бы ни относились к их отношениям люди, все-таки играл очень важную роль в жизни Шебы. Это понимает Барбара, когда обнаруживает сделанную Шебой скульптуру «Мать и дитя». «Дитя» очень сильно напоминает Стивена, он все-таки подарил Шебе некоторое вдохновение, хотя и основанное не на любви, а на влечении, одержимости и горечи [5, с. 243]. С согласия Шебы, Барбара ломает скульптуру и, будучи не в силах решить все проблемы Шебы, берется хотя бы «вылечить» подругу от разрушающего ее чувства.

Таким образом, Т. Гарди и З. Хеллер каждый в свою создают «свою» Вирсавию. Они обращают внимание на изменившийся статус женщины в обществе, делая героиню центром произведения, наделяя ее своим «голосом», внутренним миром и пр., делая ее более инициативной по сравнению с Вирсавией из Библии. Однако, права, свободы и возможности женщины не решают всех проблем: любовь по-прежнему может быть источником страданий, люди оказываются в плену страсти, влечений и заблуждений и только по-настоящему родственная душа и настоящее чувство способно дать человеку счастье.

Библиографический список

1. Пикулева, И. А. Интерпретация библейского сюжета в романе Т. Линдгрена «Вирсавия» / И. А. Пикулева // Библия и национальная культура. – Пермь: Пермский государственный университет, 2004. – С. 71–74.
2. Библия. Ветхий завет. 2-ая книга Царств [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения: 14.08.2025).
3. The Complete Works of Thomas Hardy / T. Hardy [Kindle edition]. – Cronos Classics, 2017.
4. Sasaki, T. Far from the Madding Crowd / T. Sasaki // Oxford Reader's Companion to Thomas Hardy. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 130–135.
5. Heller, Z. Notes of a Scandal / Z. Heller. – L.: Penguin Books. – 244 p.